

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В.А. ЖДАНОВ

Строительство поставторитарной государственности: Испания (1976–1982)

Создание в Испании так называемого “Государства Автономий” в 1978–1982 гг., последовавшее за демонтажом франкистского режима в результате пактового перехода к демократии (1976–1978 гг.), рассматривается многими представителями мирового экспертного сообщества как успешный пример политической модернизации, подразумевающей также и мирное решение сложных проблем национально-территориального устройства. В статье дается краткое описание объективных факторов социально-экономического и политического развития Испании, которые способствовали возникновению различных юридических, финансовых и муниципальных режимов, известных как “фуэрос”. Неудачная попытка решения национально-территориального вопроса правительством Второй республики (1931–1939 гг.) спровоцировала гражданскую войну, которая завершилась установлением авторитарного режима, ставившего своей задачей сохранение и укрепление единой и неделимой Испании без какого-либо подобию федеративного устройства. Архитекторам испанской демократизации пришлось в процессе нахождения политических и социально-экономических компромиссов считаться с наследием франкизма, во многом олицетворяемым нереформированным государственным аппаратом и офицерским корпусом, чтобы не столкнуть Испанию в новый разрушительный гражданский конфликт.

Ключевые слова: Испания, Каталония, Страна Басков, авторитарный режим, демократизация, политические пакты, асимметричная деволюция.

Системный кризис России в случае его дальнейшего развития неизбежно возродит региональный сепаратизм. Яркий пример тому – современное положение украинского государства, вплотную приблизившегося к состоянию так называемого *failed state*. Его важнейший элемент – жесткое противостояние части региональных элит и центра – вынуждает обратиться к примеру других стран, сталкивавшихся в своей истории с подобными процессами.

Сравнительный анализ социально-политических проблем, помимо практических рекомендаций, извлекаемых из зарубежного опыта, представляет и безусловный академический интерес. Изучение российской истории и политики даже представителями западной общественной науки происходило, как правило, в рамках исследовательской программы “наибольшего различия”, когда в качестве фона последнего выбирались страны англосаксонской модели политического развития, прежде всего США.

В сравнительном анализе современной российской политики более продуктивна, вероятно, исследовательская программа “наибольшего сходства”, где в качестве объекта сравнения выступает европейская страна, уровень социально-экономического развития и политическая культура которой напоминают российские. Поэтому исторический опыт региональных реформ в Испании, ставших возможными в результате так называемой пактовой трансформации политического режима, признаваемой современной мировой политической наукой эталонной [Linz, Stepan 1996; Przeworski 1991], может представлять значительный и практический, и теоретический интерес.

Исторические предпосылки “Государства Автономий”

Испания демонстрирует определенные параллели исторического развития с Российской империей в ее различных политических инкарнациях. Расположенные на географических окраинах Европы, и Испания, и Россия пережили долгий период войн с исламскими государствами, которые угрожали их христианским цивилизациям. Наличие исламской угрозы ускорило формирование государственности этих стран и во многом определило его формы. В отличие от северо-западной Европы, государства которой возникли в значительной степени под влиянием экономических факторов, формирование государства в Испании и России было прежде всего функцией геополитики, предвзято со значительным временным лагом рождение и испанской, и русской национальной идентичности.

Мусульманское вторжение на Иберийский полуостров, начавшееся в 711 г., привело к его разделению между двумя различными цивилизациями, породив крайне нестабильную границу, постоянно менявшую свои очертания в соответствии с геополитической динамикой Реконксты, “являвшейся ключевым моментом средневековой истории Испании” [González Jiménez 1989, p. 49]. Раздел в ее ходе католическими монархиями Кастилии, Арагона и Португалии прежних мусульманских эмиратов, которые, несмотря на их общее исламское религиозно-идеологическое основание, отличались культурным и институциональным разнообразием, заложило основы политической фрагментации Иберии, ставшей “главным институциональным наследием периода раннего Средневековья” [Fletcher 2000, p. 80].

Постепенно распространяя политические учреждения и культурные нормы кастильского ядра на территорию Андалусии [MacKay 1977], монархи Кастилии все же должны были принимать во внимание особенности первой. Демографически Андалусия была противоположностью Кастилии: Реконкиста привела там к массовому бегству местного мусульманского населения, что вынудило кастильские власти начать кампанию переселения туда христиан из других частей королевства. Для этого монархи решили осуществлять политику дарования отдельным городам различных муниципальных привилегий — *фуэрос* — которые города затем распространяли на своих граждан [Lomax 1978, p. 96].

Будучи достаточно сильным, чтобы стать главным геополитическим фактором на полуострове, кастильское ядро все же не смогло распространить свои политические институты сначала на Арагон, а впоследствии — и на другие земли Иберии. Но эта относительная слабость Кастилии в процессе строительства испанского государства не означала отказа от системообразующего фактора функционирования его политической системы, а именно — создания на различных условиях вертикальных коалиций короля с аристократическими элитами этих регионов. Следует отметить, что и сами эти элиты никогда не только не пытались сформировать какую-либо свою, говоря современным языком, межрегиональную ассоциацию аристократии, но даже и не высказывали намерения создать таковую.

Вся структура вертикальных коалиций, начавшая рушиться в правление Филиппа IV (1621–1665 гг.), была почти полностью сведена на нет в начале XVIII в. с воцарением на испанском престоле новой династии — Бурбонов, воспитанной в рамках французской политической традиции сильного централизованного государства.

Но запутанные особенности династических союзов помешали представителям даже этого королевского рода, несмотря на все их централизаторское рвение, завершить смену испанской государственности. Поддержка, которую баскские территории и Наварра оказали Филиппу в его династической борьбе, позволила им сохранить свои *фуэрос* [Herr 1971, p. 45].

Обусловленный Реконкистой *path dependence* испанской государственности оказывал сильнейшее воздействие на все ее формы, вплоть до таких предельно централизованных, как франкистский режим. Решение проблемы территориального распределения власти, которую Испания унаследовала от этого режима, стало важнейшей составной частью его поставоритарной трансформации, направление и формы которой, в свою очередь, всегда зависимы от системных характеристик реформируемого режима [Linz, Stepan 1996, p. 55].

Системообразующая черта франкистской диктатуры на всех этапах ее существования — наличие подвижных коалиций различных политических акторов: фалангистов, карлистов, католических консерваторов, монархистов и технократов, в свою очередь опиравшихся на поддержку не менее разнообразных групп интересов. То, что такие весьма отличные друг от друга основные игроки вошли в этот блок, неизбежно приводило к постоянным внутренним конфликтам [Carr, Fusi Aizpurua 1979]. Возникнув как консервативная коалиция, общим знаменателем которой служило лишь неприятие политики Второй республики, в своем видении будущего Испании она не могла не быть весьма разнородной [Tusell 2004^a].

Испанская специфика этой, свойственной всем авторитарным режимам характеристики, заключалась в неразрывной связи с многовековой исторической традицией политической монополии центра, посредством вертикальных альянсов с региональными элитами обеспечивавшего относительную стабильность системы. Авторитарный режим — по определению сверхцентрализованный и жестко подавлявший любые проявления регионализма, воспринял тем не менее форму таких подвижных альянсов, где роль региональных элит стали играть упомянутые выше функциональные элиты центра, модерируемые диктатором, отдававшим приоритеты той или иной фракции и не допускавшим ни малейшей возможности их институционализации [Tusell 2004^a]. Однако, несмотря на меняющуюся внешне- и внутривнутриполитическую ситуацию, обусловившую состав и форму таких альянсов, специфика режима Ф. Франко заключалась в том, что он, приспосабливаясь к меняющимся обстоятельствам, всегда оставался личной диктатурой [Tusell 2004^b, p. 164]. Со временем критерии отбора членов коалиции приобретали все более субъективный характер, где важнейшим становился фактор личного знакомства с каудильо. Это неизбежно привело в последние годы диктатуры к засилью посредственности в высшем политическом слое Испании [Tusell 2004^a]. Смерть Франко 20 ноября 1975 г. поставила жирную точку на его режиме, который он сам считал “крепко сколоченным на долгие времена”.

Социально-экономические предпосылки демократизации

Испания в ходе демократических реформ достаточно успешно сняла с помощью деволюции накали национальную проблему, многие десятилетия, если даже не столетия, считавшейся “хронической болезнью Испании” [Fusi 1996, p. 335]. Это стало возможным потому, что в ходе демократизации была сначала создана легитимная государственная власть, обладавшая и авторитетом, и способностью реструктурировать всю политическую сферу [Linz, Stepan 1996, p. 99]. Как уже говорилось, мирная трансформация режима Франко в полноценную демократическую политическую систему рассматривается ныне многими исследователями в качестве образца так называемого пактового перехода, характеризующегося «соглашением некоторой ограниченной группы политических акторов, пытающихся определить (или лучше сказать, пересмотреть) правила, определяющие властные полномочия на основе взаимных гарантий “жизненных интересов” его участников» [O'Donnell, Schmitter 1986, p. 37].

Современные общественные науки называют в качестве предпосылок успешной трансформации авторитарного режима несколько факторов, которые в соответствии с устоявшейся в мировой политологии традицией следует рассматривать на различных уровнях анализа, а именно — на уровне мировой политики, в рамках социально-экономической ситуации в стране и с учетом идеологических ориентаций ее политической элиты.

Внешнеполитические обертоны испанского перехода к демократии долгое время оставались вне должного внимания исследователей, увлеченных анализом увлекательной игры представителей основных политических сил Испании [Ortiz Heraz, García 2010]. Однако “внешнее влияние может иметь решающее значение в том, будет то или иное общество двигаться в направлении к демократии или нет” [Huntington 1984, p. 205]. Очертания мировой политики достаточно прочно установились после подавления “Пражской весны” в конце 1960-х гг., и о повторении (в стиле интербригад времен последней гражданской войны в Испании) вмешательства СССР в ее внутренние дела не могло быть и речи: эта страна после Мадридского пакта 1953 г. прочно ассоциировалась со сферой влияния западных демократий. К середине 1970-х гг. равновесие было нарушено нефтяным эмбарго ряда стран Ближнего Востока. На фоне повышенной активности советского ВМФ в зоне Средиземного моря, все большего вовлечения Ливии и Сирии в сферу действий СССР и роста исламского национализма в регионе, турецко-греческого конфликта вокруг Кипра, падения режима “черных полковников” в Греции, “революции гвоздик” в Португалии, роста влияния коммунистов в Италии и усиливающейся политической неопределенности в Испании ослаблялся, по мнению западных стратегов, южный фланг НАТО [Ortiz Heraz 2010, p. 22–23].

Если Соединенные Штаты стремились сохранить и преумножить полученное ими по условиям Мадридского пакта, явственно демонстрируя в своей стратегии преобладание геополитических расчетов¹, то европейские державы, более чем США подверженные колебаниям внутренней политики, были вынуждены принимать во внимание чередование во власти партий левой и правой ориентации [González Madrid 2010, p. 41]. В наибольшей степени среди стран Западной Европы влияние на развитие внутривнутриполитической ситуации в Испании оказало коалиционное правительство ФРГ, способствовавшее постфранкистской трансформации хоть и согласованно с Соединенными Штатами, но на различных с ними уровнях политики.

Творец внешней политики США того периода Г. Киссинджер², разделяя постулаты теории модернизации, считал, что несомненный прогресс в социально-экономическом развитии неизбежно приведет к политическим изменениям в Испании. Главной его заботой было не допустить революционного характера таких изменений, что поставило бы под угрозу все к тому времени достигнутое в испано-американских отношениях. Преимущественное внимание американской администрации к вопросам международной безопасности неизбежно порождало ее опасения налаживанию контактов с противниками диктатуры Франко [González Madrid 2010, p. 44], что в глазах испанского общественного мнения делало США основным внешнеполитическим союзником авторитарного режима [Delgado Gómez-Escalonilla 2010, p. 113, 114, 124].

Поэтому в своей политике сохранения союзнических отношений с Испанией и недопущения там революционных изменений после смерти Франко администрация США сделала ставку на принца Хуана Карлоса, провозглашенного в 1969 г. преемником диктатора, и на его молодое окружение. Эта позиция США оказалась весьма результативной, так как привела к изменению отношения к Карлосу правоцентристских сил Испании, которые стали рассматривать его в качестве ключевой политической

¹ “Вашингтон был привержен постепенной демократизации Испании после смерти Франко... Однако когда США должны были выбирать между защитой своих геостратегических и глобальных интересов и содействием политическим изменениям, американцы не сомневались в том, чтобы выбирать первое” [Powell 2001, p. 119].

² “Испанская политика США была парадигмальным примером *Realpolitik* Киссинджера” [Powell 2010, p. 94].

фигуры [Powell 2010]. Если будущему королю Испании по планам руководителей США отводилась роль гаранта политической стабильности страны на стадии перемен, то двигателем последних должны были стать студенты, молодые военные, ученые, предприниматели, служащие и журналисты, получавшие американскую поддержку в различной форме [González Madrid 2010]. Была поставлена задача, чтобы “молодежь и лидеры следующих пяти или десяти лет стали рассматривать Соединенные Штаты в качестве образца” [Delgado Gómez-Escalonilla 2010, p. 108].

Пока был жив Франко, Вашингтон не делал ничего, что могло бы поставить под угрозу наличие американских военных баз на испанской территории, геостратегическое значение которых только выросло в последние годы диктатуры. Поэтому Белый дом упорно избегал каких-либо прямых контактов с представителями испанской политической оппозиции, представители которой, включая даже лидера испанских коммунистов, публично заявившего, что КПИ не будет выступать против американских баз в Испании, пока советские войска не покинут Чехословакию, демонстрировали к ним полную готовность [Powell 2010, p. 84].

Такие контакты стали прерогативой лидеров ведущих западноевропейских держав, отдававших приоритеты социалистической партии Испании (*PSOE*) “не только из-за ее идеологической близости, но прежде всего — из-за ее потенциальной способности помешать тому, чтобы контроль за процессом политических изменений попал в руки КПИ” [González Madrid 2010, p. 54]. С начала 1970-х гг. правительство Западной Германии систематически оказывало поддержку руководителям испанской умеренной демократической оппозиции. В мае 1974 г. министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер настоял в ходе своей встречи с Р. Никсоном и Г. Киссинджером на немецкой поддержке только единственной партии в Испании — *PSOE* [Bernecker 2010, p. 180]³.

Деятельность европейских социалистов шла в унисон с активностью наднациональных структур ЕЭС, которые напрямую связывали защиту и продвижение демократии со стабилизацией и консолидацией Сообщества. Такая позиция ЕЭС находила все больший отклик среди представителей делового мира Испании, начавших воспринимать, в отличие от своих предшественников 1930-х гг., демократию не как угрозу своему благосостоянию, а как его надежную законную гарантию, путь к будущему членству Испании в Европейском сообществе, которое обеспечило бы им свободу движения товаров и капиталов [González Madrid 2010].

Такое внешнее влияние на развитие внутривнутриполитической ситуации в Испании накладывалось на весьма сильно изменившуюся за предшествовавшие смерти Франко полтора десятилетия социально-экономическую обстановку в стране. Создатели теории модернизации всегда отмечали первостепенную важность уровня экономического развития, выражаемого прежде всего в показателях дохода на душу населения для совершенствования политической системы [Lipset 1960]. Количественное выражение экономических предпосылок вступления какой-либо страны в “зону перехода” к политической модернизации [Huntington 1984] варьировалось в зависимости от условий той или иной исторической эпохи⁴, и в период так называемой “третьей волны демократизации”, охватывавшей примерно два десятилетия с начала 1970-х гг., составляло от 1000 до 3000 долл. США [Huntington 1991]. Динамично развивающаяся экономика в свою очередь ведет к кардинальным социальным изменениям, порождая

³ Социал-демократический фонд Ф. Эберта с момента создания своего отделения в Испании в 1976 г. провел там к 1984 г. более полутора тысяч различных курсов и семинаров по тематике организационной работы в партиях и профсоюзах. Этот фонд получал не только весомую поддержку правительства ФРГ, но и немецких деловых кругов с условием, что такая поддержка будет оказана исключительно *PSOE* и контролируемой ей профсоюзом *UGT*. Последний также получил только в 1976–1977 гг. 400 млн песет от немецких и европейских профессиональных союзов [Bernecker 2010].

⁴ “В XVIII в. теоретики политики утверждали, что богатые государства обычно являются монархиями, в то время как бедные — демократиями или республиками. Это было допустимой гипотезой для аграрных обществ. Индустриализация, однако, перевернула это отношение между уровнем богатства и формой государственного устройства, породив в XIX в. позитивную корреляцию между уровнем благосостояния и демократией” [Huntington 1991, p. 59].

диверсифицированное общество, где все большую роль начинает играть средний класс, заинтересованный в смягчении социальных антагонизмов и недопущения политического экстремизма [Huntington 1991].

Начавшееся в конце 1950-х гг. быстрое развитие экономики Испании полностью изменило облик этой страны. Темпы ее экономического роста в период 1960–1974 гг. составляли в среднем 7% в год (в обрабатывающей промышленности – 9%), уступая в этом только темпам экономического развития Японии, в результате за указанный период объем промышленного производства Испании вырос почти в четыре, а ее ВВП – в 2,8 раза. Этот экспортно-ориентированный бум был обусловлен открытием для испанской экономики рынков США и ЕЭС, которые не только осуществляли крупные капиталовложения в ее промышленность и недвижимость, но и давали ей ежегодно миллионы туристов⁵, а также абсорбировали ее избыточную рабочую силу⁶, в свою очередь пересылавшую в страну значительную часть своей заработной платы [Baklanoff 1978].

Успехи экономического развития способствовали не только изменению структуры занятости населения Испании и появлению там современного индустриального общества, но и сформировали в этой стране зачатки общества потребления⁷. Рядовая испанская семья стала не только лучше питаться, но и существенно изменилась структура ее расходов, все большая их доля приходилась уже не на питание и одежду, а на товары долговременного пользования и досуг⁸. Так, например, с 1960 по 1975 г. количество телефонов на каждую тысячу жителей увеличилось с 59 до 200, телевизоров – с 5 до 653, автомашин – с 10 до 111 [Powell 2001].

Однако высокие темпы экономического развития не сопровождались соответствующими темпами развития гражданского общества, характеризованного прежде всего наличием разветвленной сети социально активных групп населения [Wiarda 2003], что оставляло, таким образом, вопросы политической конкуренции различным фракциям элиты, представленной в Испании “группой разнородных акторов, в которой соединились бывшие франкисты, проявившие интерес к достоинствам демократии, и молодые оппозиционеры, искавшие новые источники своей легитимности” [Genieys 1997, p. 231].

Пришедшее во второй половине 1974 г. на смену полутора десятилетиям процветания замедление темпов роста⁹ уже в следующем году приобрело очертания экономического спада¹⁰. Это заставило элиты задуматься о поисках выхода из системного кризиса, грозившего в случае его резкого углубления повторением трагических событий сорокалетней давности. О такой возможности явственно говорил как рост забастовочного движения, так и усиление террористической активности левых националистов *ETA*, которые еще с шестидесятых годов стали рассматривать испанское государство как репрессивную метрополию, а Страну Басков – как его колонию, когда только вооруженная борьба становилась единственным средством сохранения культурного наследия [Roach 2007, p. 453]. В то же время менее сильно выраженные, чем в остальных

⁵ Если в 1960 г. число посетивших Испанию туристов составило 6 млн, то к 1973 г. оно уже достигло 34 млн, что принесло испанской экономике 297 млн долл. США в 1960 г., 1157 млн – в 1965 г. и 3404 млн в 1975 г. Туризм также способствовал быстрому развитию таких секторов экономики, как строительство, транспорт и коммуникации [Powell 2001].

⁶ В период между 1961 и 1970 гг. почти 1,7 млн испанцев эмигрировали в страны Западной Европы, что составило на тот период 6,3% от всего населения страны [Magone 2009].

⁷ В 1960-х гг. министр планирования франкистского правительства Л. Родо пророчествовал, что Испания станет демократией, когда уровень дохода достигнет 2000 долл. США на душу населения. Что и случилось [Huntington 1991, p. 70].

⁸ С 1958 по 1973 г. доля продуктов питания в структуре семейных расходов уменьшилась с 55,5% до 38%, а доля одежды и обуви с 13,6 до 7,7 %. Потребление мясных продуктов увеличилось с 25 кг в 1964 г. до 59 кг в 1974 г., потребление молока в тот же период – с 63 до 96 л.

⁹ Темпы промышленного роста Испании, составлявшие в 1972 г. 10,9% и в 1973 г. – 10,1%, сократились в 1974 г. до 5,7% [Lieberman 1995].

¹⁰ Рост ВВП Испании, доходивший в 1974 г. до 5%, упал в 1975 г. до 0,7%, в то время как рост потребительских цен в первые месяцы 1975 г. составил 18,7% [Lieberman 1995].

странах Западной Европы, и болезненно ощущаемые населением Испании лишь на фоне беспрецедентного экономического роста в предшествующее десятилетие, масштабы экономического спада создавали объективные условия для нахождения точек соприкосновения между основными политическими акторами.

Ruptura pactada

Официальным контактам представителей правящей элиты и лидеров оппозиции предшествовала серия их секретных встреч, заложившая основы мирной смены режима как результата политического компромисса [*Encarnación* 2001]. В начале марта 1976 г. лидеры ряда левых партий до того времени группировались вокруг контролируемой коммунистами “Демократической хунты Испании”, а руководители остальных левых партий — членов “Платформы демократической конвергенции” находились под влиянием *PSOE*. Они смогли сформировать объединение оппозиции *Coordinación Democrática*, позволившее им более авторитетно в контактах с представителями режима, отстаивавших стратегию пактовой реформы (*reforma pactada*), обозначить перспективы демократизации как пактового разрыва с авторитарным прошлым (*ruptura pactada*) и архитектуру новой политической системы.

Испанский вариант пактовой трансформации авторитарного режима отличается от аналогичных перемен в ряде стран Латинской Америки: сочетание специфических факторов постфранкистской Испании позволило не впасть в грех корпоратизма, проявившего себя после пактовых компромиссов в Венесуэле (1958 г.) и Колумбии (1958 г.). [*Karl* 1990; *Encarnación* 2011]. Современная политологическая литература относит к таким специфическим факторам прежде всего тип участников соглашений, которые в случае Испании были представлены массовыми партиями, имевшими очень четкую социально-политическую самоидентификацию, в отличие от указанных стран Латинской Америки, где пактовые акторы были представлены *catch-all* партиями правополитической ориентации.

Кроме того, расширение состава участников пактовой трансформации режима до всех основных представителей испанского политического спектра за исключением экстремистских, придавшее новое качество поставленным реформам, позволило не допустить формирования политического картеля. Демократия в случае возникновения такового превращается в “личный проект лидеров отдельных политических партий и корпоративистских ассоциаций, олигополией, в которой руководители малого числа организаций вступают в сговор для недопущения проникновения аутсайдеров в этот узкий круг” [*Przeworski* 1991, pp. 90–91].

Особо следует подчеркнуть важную роль, которую в формировании полноценной демократической системы в постфранкистской Испании сыграли как региональные правополитические, так и общенациональные левые партии, принявшие в конечной фазе существования авторитарного режима представительство региональных интересов как важную составную часть своей оппозиционной стратегии [*Genieys* 1997]. Это не только расширило спектр испанской политической жизни, но и придало ему дополнительную глубину и насыщенность. В особенности это относилось к Каталонии, где еще в середине 1960-х гг. было достигнуто единство всех оппозиционных политических сил, включая коммунистов и националистов [*Dowling* 2013]. Однако возродившиеся в 1976–1977 гг. регионалистские политические силы имели весьма различавшуюся социально-экономическую основу и стратегию¹¹.

При новом премьер-министре (1 июля 1976 г. Хуан Карлос I санкционировал отставку последнего франкистского премьера К. Наварро и 8 июля 1976 г. назначил на эту должность А. Гонсалеса, принадлежавшего к кругу самых близких советников

¹¹ Даже наиболее отчетливо выраженный национализм Страны Басков и национализм Каталонии были весьма различны по своей сути: “В Каталонии национализм имел сильные культурные основания и был присущ наиболее динамичным социальным группам; в Стране Басков он не имел ни одного из этих преимуществ” [*Ross* 1996, p. 488].

короля) контакты правительства с оппозицией вошли в новую фазу постоянного диалога. Уже в начале 1977 г. правительство и оппозиционные лидеры договорились об основных чертах демократического преобразования Испании, которые привели к коррекции стратегии левых партий: они сняли требование республики, согласившись на установление в Испании парламентской монархии, а также перестали настаивать на федеративном устройстве демократической Испании и праве ее национальностей и регионов на самоопределение.

Результатом парламентских выборов 15 июня 1977 г. — первых с 1936 г. — стал новый баланс политических сил. Так как “выборы, особенно основополагающие выборы, создают повестку дня, акторов, организации и, самое главное, легитимность и власть” [Linz, Stepan 1996, p. 100], тот факт, что эти выборы были проведены сначала на национальном уровне и только после этого — на региональном, оказал решающее влияние на все дальнейшее политическое развитие Испании и далеко не в последнюю очередь — на региональную политику.

Выборы стали яркой победой партий, примыкающих с двух сторон к центру политического спектра. Партия А. Суареса — Союз демократического центра (*UCD*) — и *PSOE* получили почти две трети голосов, в то время как Коммунистическая партия Испании (*PCE*) и правый Народный Альянс (*AP*) разделили третье место с девятью процентами голосов каждый [Coverdale 1979]. 6% голосов, которые регионалистские партии в сумме получили на этих выборах, означали, что в ситуации политической неопределенности они могли бы стать серьезными игроками на политической сцене, создавая парламентские коалиции с той или иной общеиспанской партией [Powell 2001]. Однако отмеченная выше очередность выборов позволила улучшить положение общенациональных партий и в некоторой степени уменьшила влияние националистов в регионах, подверженных влиянию сепаратистов, таких как Каталония и Страна Басков.

Главной темой испанского политического дискурса перед проведением конституционного референдума стало укрепление национального политического согласия. Это стало результатом отмеченного выше нового баланса политических сил, а также следствием тяжелой травмы испанского национального самосознания, нанесенной гражданской войной [Perez-Diaz 1993]. Все фракции испанской властвующей элиты расценили компромисс, выразившийся в подписании так называемых “Пактов Монклоа”¹² как временное перемирие, облегчавшее принятие конституции [Cuchillo 1993]. Кроме этих зафиксированных в документах договоренностей существовал и неписаный *Pacto del Olvido* (Пакт Забвения) или *Pacto del Silencio* (Пакт Молчания) между правым и левым флангами испанского политического спектра. Формализованный в 1977 г. Законом об амнистии, он предоставлял иммунитет от судебного преследования за любые политические преступления, совершенные во времена франкистской диктатуры [Encarnación 2011].

Пакты создали институциональные рамки, внутри которых испанская элита смогла прийти к компромиссу в решении крайне взрывоопасных вопросов, таких как существование монархии, взаимоотношения церкви и государства или проблемы баскского и каталонского национализма: «Рождение “Государства Автономий” может быть интерпретировано как институционализация компромисса между периферийными элитами, требующими своего политического представительства, и элитами центра, заинтересованными в получении нового источника своей легитимности» [Genieys 1997, p. 239].

¹²Пактовая трансформация авторитарного политического режима, начатая в 1977 г. “Пактами Монклоа”, впоследствии была дополнена другими пактами, последний из которых был заключен в 1986 г. В отличие от Пактов Монклоа, участниками которых являлись политические партии, последние пакты заключались уже под эгидой правящей тогда *PSOE* между руководством основных профсоюзов и ведущей организацией работодателей и были нацелены на урегулирование вопросов их взаимоотношений и проведения экономических реформ в стране [Encarnación 2001].

Пакты продемонстрировали, что наличие эффективного аппарата государственного управления и хорошо организованных политических партий является более значимой предпосылкой перехода к демократии, чем существование развитого гражданского общества. Кроме этого, пактовая трансформация политического режима отчетливо показала, что консолидация демократии должна предшествовать структурным экономическим реформам, так как неизбежные временные трудности при их проведении могут подорвать легитимность новых демократических институтов, что, в свою очередь, уничтожит какой-либо общественный консенсус при повторной попытке проведения таких реформ в будущем [Encarnación 2011].

Нацеленность властвующей элиты Испании на недопущение политического кризиса или социальных волнений привела к ее концентрации, главным образом, на краткосрочных политических целях. Достижение национального согласия было облегчено возможностью парламентского *vote-trading*, основывавшегося на различном политическом весе, который испанские партии придавали составляющим демократической трансформации. Договорный характер последней и договорный характер децентрализации испанского государства придал им форму компромисса, приведшего в конечном счете к отказу как от унитарной наполеоновской модели, так и от федеративной модели, которая ранее отстаивалась и левыми общеиспанскими партиями, и националистами Каталонии и Страны Басков [Gispert, Prats 1978, p. 323; Beneyto 1980, p. 289, 310].

Несмотря на то, что испанские общенациональные элиты как основная движущая сила демократизации оставались по своим идейно-политическим пристрастиям центристами в их отношении к территориальной организации государства, они тем не менее трезво оценивали опасность каталонского и баскского национализма (способного спровоцировать правый государственный переворот своими требованиями независимости) как главное препятствие поставторитарной трансформации, задержка которой могла представлять угрозу их власти [Trujillo 1979]. Поэтому было решено, что лучшим решением этой проблемы стало бы создание регионального уровня политического класса Испании, который под контролем Мадрида сдерживал бы требования каталонских и баскских националистов, отстаивая интересы других испанских территорий [Perez-Diaz 1993].

Это решение привело к формированию так называемых предварительных автономий, начавших играть роль первичных правительственных органов регионов. Важным последствием их появления стало принятие испанским общественным мнением идеи, что создание нового уровня территориального деления страны не должно быть ограничено так называемыми “историческими национальностями”, но могло быть распространено на остальные регионы [Linç 1989]. Начавшийся 29 сентября 1977 г. с Каталонии, процесс создания предавтономий был закончен 31 октября 1978 г. в Кастилии-ла-Манча, когда в течение года тринадцать регионов создали собственные политические учреждения [Beneyto 1980].

6 декабря 1978 г. новая конституция Испании была одобрена на общенациональном референдуме абсолютным большинством граждан, что обеспечило ей максимально возможную легитимность. Долгий период обсуждения конституции, продолжавшийся в течение шестнадцати месяцев, также способствовал установлению общественного согласия. Только баскские националисты, убежденные, что конституция не в полной мере возвращает им “исторические права”, уничтоженные режимом Франко, были единственной организованной политической силой, призвавшей свой электорат воздержаться от голосования.

По сравнению с крайне идеологизированной конституцией 1931 г., отражавшей интересы только левых партий, конституция 1978 г., получив поддержку почти всех политических сил в Испании, основывалась на национальном согласии. Из-за неизбежных ограничений, которые накладывал на всех ее компромиссный характер, текст конституции “не устанавливал точные пределы компетенции каждого территориального уровня администрации, избавляя ее таким образом от жесткой формализации

федерации” [Zaldívar, Castells 1992, p. 149]. Этот конституционный компромисс объединил два главных подхода к территориальной конфигурации государства: некастильских регионов, которые подчеркивали свои “исторические права” на политическую автономию¹³, а также подход других испанских территорий, требовавших лишь большей административной децентрализации [García Morillo 1996].

Базовая для определения территориальной конфигурации Испании статья 2 гласила: “Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев; она признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними”. Термин “национальности”, упомянутый в конституции только однажды, был включен по требованию оппозиции после долгих переговоров с правительством. Но основным закон Испании не давал определения ни этого термина, ни термина “регион” [Gilmour 1985].

Основной закон Испании не предписывал точного числа будущих автономий, гарантируя право пятидесяти испанских провинций, которые наряду с муниципалитетами представляли местный уровень власти, создать автономию путем их объединения. Разнородность испанских территорий и идущая из Средневековья историческая традиция региональных элит устанавливать контакты друг с другом только при посредничестве Мадрида¹⁴ позволили последнему в полной мере использовать монополистическую дискриминацию автономий даже в закрепленном в конституции определении методов ее получения. В первую очередь, эти статьи были нацелены на удовлетворение требований каталонских и баскских националистов, которые по различным историческим и культурным причинам были заинтересованы в получении их территориями особого статуса. Конституция предусматривала ускоренный метод получения последнего только Каталонией, Страной Басков и Галисией [Newton, Donaghy 1997]. Все три упомянутые автономии так называемого “высокого уровня” получили права на политическую автономию, которая предположила существование их собственных законодательных, исполнительных и судебных органов. Все другие территории должны были довольствоваться более длительным способом обретения статуса автономии и меньшим объемом ее компетенций.

Предоставив больше прав “историческим национальностям” в создании автономий, конституция сыграла роль катализатора роста регионалистского сознания у новой территориальной страты элиты, заинтересованной в увеличении своего политического веса и экономического потенциала в тех частях Испании, которые ранее такого сознания не демонстрировали, в особенности — в Андалусии, Экстремадуре, Валенсии и на Канарских островах [Graham 1984, p. 263]. С того времени региональные элиты территорий с преимущественно кастильским населением пытались добиться тех же самых прав, которые уже получили “исторические национальности”, в то время как последние делали все, чтобы их еще более расширить, что привело в конечном счете “к значительно более высокой степени децентрализации испанского государства, чем ожидалось до конституционного компромисса” [Colomer 1998^a, p. 47]. В свою очередь, после получения особого статуса лидеры Каталонии и Страны Басков стали ярыми противниками федеративной модели государственности, так как последняя предполагает равенство членов федерации.

Попытка военного переворота 23 февраля 1981 г., потерпевшая неудачу из-за жесткой позиции короля, поддержанного армией, стала причиной резкого замедления

¹³ Критики этого подхода отмечали, что «никто не знает, что эти “исторические права” точно означают» [Ariño Ortiz 1981, p. 18].

¹⁴ Даже самые активные протагонисты регионализации (Страна Басков, Каталония, Галисия) отнюдь не демонстрировали готовности к совместным действиям: “Все три никогда не проявляли стремления к единству и традиционно отношения между ними всегда осуществлялись при посредничестве центра. По сути они вели себя как сепаратные группы национальных меньшинств, а не как единое, хотя и сложное целое, имеющее общие интересы” [Coates 1998, p. 260].

темпов регионализации¹⁵. Эта позиция вооруженных сил была главной причиной изменения настроений испанского политического класса — как правящей элиты, так и оппозиции, которые решили, что Мадриду нужен намного более сильный контроль над процессом деволюции¹⁶. Неудавшийся переворот вызвал также раскол в правом политическом лагере, подорвав положение Союза демократического центра и усилив влияние более консервативного Народного Альянса [*Cuchillo* 1993]. Ослабление положения партии Суареса и четко выраженное мнение вооруженных сил привели в 1981 г. к заключению между *UCD* и *PSOE* соглашения об автономиях.

Суть этого соглашения заключалась в попытках двух на то время основных общеиспанских партий ввести ограничения на действующую модель деволюции и сохранить доминирующую роль Мадрида как главного представителя национальных интересов. Соглашения особенно подчеркнули неоспоримый приоритет национальных законов над региональным в случае их конфликта, даже если таковой мог бы появиться между Мадридом и “историческими автономиями” [*Heywood* 1995, p. 145].

Эти соглашения 1981 г. предполагали, что принимая на себя значительную часть административных функций центра, исполнительная власть автономий смогла бы снизить хроническую перегруженность национального правительства. Считалось, что от 60 до 80% административных кадров переедут из Мадрида в автономии [*Zaldívar, Castells* 1992, p. 171]. Последующие события показали утопичность этих планов¹⁷. Такому положению вещей способствовало то, что, например, в отличие от Германии, где федеральное правительство не имеет административных органов в землях, Мадрид, обладая собственными структурами в автономиях, создал ситуацию, которую назвали “умножением государства”, а не запланированным “распределением государства” [*Tornos Mas* 1988, p. 81], что негативно сказалось на эффективности всей системы испанского государственного управления [*Zaldívar, Castells* 1992, p.171].

Автономные соглашения были легализованы в Законе о гармонизации процесса деволюции 1982 г. и в Законе о процессе деволюции 1983 г. Хотя в августе 1983 г. последний был отменен Конституционным судом Испании, этот закон оказал тем не менее значительное влияние на региональную реформу, так как уставы многих Автономных Сообществ заимствовали его основные статьи [*Perez-Díaz* 1993].

* * *

Несмотря на определенные успехи, процесс асимметричной деволюции не устранил полностью существующие противоречия (хотя и значительно уменьшил их остроту) и в некоторых случаях породил новые [*Fusi* 1996]. В первую очередь, создание автономий не способствовало быстрому решению проблемы баскского терроризма. Начиная региональную реформу, правительство Суареса полагало, что, предоставив

¹⁵ “...вооруженные силы дали ясно понять политическому классу, что они требуют от него морального обязательства придавать первостепенное значение поддержанию единства и территориальной целостности Испании. В обмен на подавление путча армия оказала давление на политический класс для принятия ясной, действенной и последовательной политики в отношении региональной проблемы. Кроме того, это неформальное соглашение подразумевало замедление процесса передачи полномочий автономиям, приглушение националистической риторики, имевшей сепаратистский подтекст, и установление законодательных рамок, которые определили бы полномочия центрального правительства” [*Perez-Díaz* 1993, p. 203].

¹⁶ «Летом 1981 г. политический класс Испании был парализован страхом нового путча. В то время как слухи о новых заговорах заполнили столицу, политические партии, казалось, заключили договор не делать ничего, что могло бы оскорбить армию. Политики-социалисты начали выступать с почтительными заявлениями о вооруженных силах, признавая их важность и упоминая их “историческую роль”... *PSOF* практически отказалась от своей роли парламентской оппозиции. Некоторые ее руководители даже признавались в частном порядке, что надеялись потерпеть поражение на следующих выборах, так как победа их партии неизбежно спровоцировала бы новый путч» [*Gilmour* 1985, pp. 254, 255].

¹⁷ “Большинство государственных служащих осталось на своих местах, сначала в ситуации неполной занятости, а позже — в состоянии лихорадочной активности, нацеленной на нахождение новых форм деятельности, которая бы оправдала их существование. Между 1982 г. и 1991 г. число государственных служащих автономий увеличилось двенадцатикратно (с 44 475 до 565 460), в то время центральный аппарат сократился лишь приблизительно на 23% (с 1 181 820 до 900 576 человек)” [*Perez-Díaz*. 1993, p. 211].

автономии Стране Басков и создав сильный противовес националистам в лице новой региональной элиты, оно сможет быстро покончить с терроризмом. Однако последующие события, когда число жертв террора какое-то время даже продолжало расти, показали, что терроризм обладает своей собственной динамикой. В то же время терроризм в значительной степени утратил источник своей легитимности, основывавшийся в годы диктатуры на антифранкистских симпатиях населения [Carr 1982]. В условиях демократизации большинство испанцев почти немедленно изменили свое отношение к *ЕТА*, которую они стали рассматривать как серьезную угрозу прогрессивным преобразованиям [Linz, Stepan 1996].

Связь между Мадридом и Автономными Сообществами работает в форме непрерывного переговорного цикла, ведущего к дальнейшему росту асимметрии как на уровне автономий, так и на муниципальном уровне. Во многом эта динамика обусловлена отсутствием в Испании политической культуры федерализма¹⁸. Испанская модель институционализации регионализма может быть определена как динамичная в отличие от статичной федеративной модели США. В первой модели доминирует сфера политики, ее акторы настойчиво конкурируют за большую долю трансфертов из центра. В американской модели штаты (хотя и не избавлены полностью от упомянутого выше соперничества) конкурируют, главным образом, друг с другом в привлечении субъектов экономической деятельности [Morillo 1996].

В процессе асимметричной деволюции представители “национальностей” не получили того, что требовали с самого начала — признания их национального статуса наравне с испанской нацией, а не как ее неотъемлемой части. В то же время региональная реформа в Испании способствовала возникновению регионалистской самоидентификации населения автономий обычного статуса, чьи элиты начали играть активную роль в политической игре, которая была раньше только прерогативой Каталонии, Страны Басков и Галисии.

Противоречия между различными регионами Испании — также до сих пор нерешенная проблема. Наличие этих противоречий связано с принципом солидарности — одним из фундаментальных принципов создания “Государства Автономий”, который предполагает перераспределение экономических и финансовых ресурсов из более экономически развитых регионов в менее благополучные. Так как самые процветающие в Испании — “исторические автономии” с преобладающим некастильским населением, то такое перераспределение ресурсов вызывает там понятное недовольство “национальностей”.

Как предпосылка консолидации демократии испанская асимметричная деволюция может считаться весьма успешной. Однако в ходе этого процесса государство не было преобразовано из унитарного в децентрализованное по примеру Италии, но стало фактически полицентричной системой региональных столиц, каждая из которых стремится к установлению наиболее благоприятных для себя связей с Мадридом. Пока эти особые связи существовали, как предполагалось изначально, только в отношении “национальностей”, система государственного управления могла функционировать более-менее эффективно. Но когда почти все регионы практически достигли уровня “исторических автономий” с присущим им большим объемом компетенций, сохранение прежней модели их непрерывных переговоров с общенациональным центром сделало суммарные транзакционные издержки таких связей неприемлемо высокими, что в долговременной перспективе может привести к распаду современной формы испанской государственности: “Достоинства демократизации превратились в пороки демократии” [Colomer 1998^b, p. 181].

¹⁸ “Испания — страна с федеративными чертами, но с отсутствующей у ее граждан и политического класса культурой федерализма. Федерация нуждается в культуре взаимозависимости, основанной на осознании того, что если один из уровней власти терпит неудачу, рушится вся ее система” [Carrillo 1997, p. 55].

Так как список литературы содержит исключительно зарубежные источники, он представлен в References.

The Building of Post-Authoritarian Stateness: Spain, 1976–1982

V. ZHDANOV*

*Zhdanov Vladimir – Ph. D. Independent scholar. E-mail: v.a.zhdanov100@gmail.com

Abstract

The creation of the Spanish “States of Autonomies” in 1978–1982, which followed the dismantling of the Franco regime as a result of the so-called pacted transition to democracy (1976–1978), is regarded by many representatives of international epistemic communities as a successful example of political modernization that also presupposed a peaceful solution of the stateness problem. The article provides a short description of objective factors of Spanish socioeconomic and political developments that led to the emergence of various legal, financial and municipal regimes known as *fueros*. Unsuccessful attempts to solve the national question by the government of the Second republic (1931–1939) triggered the civil war, which ended with the establishment of an authoritarian regime that regarded the preservation of an indivisible Spain (understood as the denial of any resemblance to federalism) as its main target. In their desire to avoid a destructive civil conflict the likes of which had more than once disrupted that south-European country, the architects of Spanish democratization had to cope with the political inheritance of the authoritarian regime (most clearly represented by an unreformed state apparatus and officer corps) in their attempts to find political and socioeconomic compromises.

Keywords: Spain, Catalonia, the Basque Country, authoritarian regime, democratization, political pacts, asymmetrical devolution.

REFERENCES

- Ardanza A.A. (1994) A propósito del Pacto Autonómico. *Nacionalidades y Estado en España*. Madrid: Universidad Carlos III de Madrid, pp. 13–66.
- Ariño Ortiz G. (1981) El Estado de las Autonomías: realidad política, interpretación jurídica. *La España de las Autonomías*. Tomo II. Madrid: Espasa Calpe, S.A., pp. 11–117.
- Baklanoff E.N. (1978) *The Economic Transformation of Spain and Portugal*. New York & London: Praeger Publishers.
- Beneyto J. (1980) *Las Autonomías. El poder regional en España*. Madrid: Siglo XXI de España Editores, S.A.
- Bernecker W.L. (2010) Alemania ante el cambio de régimen en España. *Claves internacionales en la Transición española*. Madrid: Catarata, DL, pp. 174–197.
- Carillo E. (1997) Local Government and Strategies for Decentralization in the “State of the Autonomies”. Toward Federal Democracy in Spain. *Publius*, no. 4, pp. 39–63.
- Carr R. (1982) *Spain: 1808–1975*. Oxford: Clarendon Press.
- Carr R., Fusi Aizpurua J.P. (1979) *Spain: From Dictatorship to Democracy*. London: George Allen & Unwin.
- Castells A. (1989) La Hacienda de las Comunidades Autónomas: Experiencia reciente y perspectivas. *Pasado, presente y futuro de las Comunidades Autónomas*. Madrid: Instituto de Estudios Económicos, pp. 585–656.
- Coates C. (1998) Spanish Regionalism and the European Union. *Parliamentary Affairs*, no. 2, pp. 259–271.

- Colomer J.M. (1998^a) The Spanish 'State of Autonomies': Non-Institutional Federalism. *West European Politics*, no. 4, pp. 40–52.
- Colomer J.M. (1998^b) *La transición a la democracia: el modelo español*. Barcelona: Editorial Anagrama, S.A.
- Coverdale J.F. (1979) *The Political Transformation of Spain after Franco*. New York: Praeger Publishers.
- Cuchillo M. (1993) The Autonomous Communities as the Spanish Meso. *The Rise of Meso Government in Europe*. London: SAGE Publications Ltd., pp. 210–246.
- Delgado Gómez-Escalonilla L. (2010) "After Franco what?" La diplomacia pública de Estados Unidos y la preparación del postfranquismo. *Claves internacionales en la Transición española*. Madrid: Catarata, DL, pp. 99–127.
- Dowling A. (2013) The Leading Role of the Party: Catalan Communism and the Franco Regime, 1939–1975. *European History Quarterly*, no. 3, pp. 489–507.
- Encarnación O.G. (2011) Democratizing Spain. Lessons for American Democratic Promotion. *The Politics and Memory of Democratic Transition. The Spanish Model*. New York: Routledge, pp. 236–256.
- Encarnación O.G. (2001) Labor and Pacted Democracy: Post-Franco Spain in Comparative Perspective. *Comparative Politics*, no. 3, pp. 337–355.
- Fletcher R. (2000) The Early Middle Ages: 700–1250. *Spain: A History*. Oxford: Oxford University Press, pp. 63–89.
- Fusi J.P. (1996) España, nacionalidades, regiones. *Entre dos siglos. Reflexiones sobre la democracia española*. Madrid: Alianza Editorial, S.A., pp. 333–351.
- García Morillo J. (1996) *La democracia en España*. Madrid: Alianza Editorial, S.A.
- Genieys W. (1997) *Les élites espagnoles face à l'état. Changement de régimes politiques et dynamiques centre-périphéries*. Paris: L'Harmattan.
- Gilmour D. (1985) *The Transformation of Spain. From Franco to the Constitutional Monarchy*. London: Quartet Books.
- Gispert C., Prats J.M. (1978) *España, un estado plurinacional*. Barcelona: Editorial Blume.
- González Jiménez M. (1989) Frontier and Settlement in the Kingdom of Castile: 1085–1350. *Medieval Frontier Societies*. Oxford: Clarendon Press, pp. 49–75.
- González Madrid D.A. (2010) Actores y factores internacionales en el cambio político español. *Claves internacionales en la Transición española*. Madrid: Catarata, DL, pp. 39–64.
- Graham R. (1984) *Spain. Change of a Nation*. London: Michael Joseph.
- Herr R. (1971) *Spain*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Heywood P. (1995) *The Government and Politics of Spain*. New York: St. Martin's Press.
- Huntington S.P. (1991) *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman & London: University of Oklahoma Press.
- Huntington S.P. (1984) Will More Countries Become Democratic?. *Political Science Quarterly*, no. 2, pp. 193–218.
- Karl T.L. (1990) Dilemmas of Democratization in Latin America. *Comparative Politics*, no. 1, pp. 1–21.
- Lieberman S. (1995) *Growth and Crisis in the Spanish Economy: 1940–73*. London & New York: Routledge.
- Linz J.J. (1989) Spanish Democracy and the Estado de las Autonomías. *Forging Unity out of Diversity. The Approaches of Eight Nations*. Washington, DC: American Institute for Public Policy Research, pp. 260–303.
- Linz J.J., Stepan A. (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: The John Hopkins University Press.
- Lipset S.M. (1960) *Political Man. The Social Bases of Politics*. Garden City (NY): Doubleday & Company, Inc.
- Lomax D.W. (1978) *The Reconquest of Spain*. New York: Longman.
- MacKay A. (1977) *Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500*. New York: St. Martin's Press.
- Magone J.M. (2009) *Contemporary Spanish Politics*. London & New York: Routledge.
- Morillo J.G. (1996) *La democracia en España*. Madrid: Alianza Editorial, S.A.
- Newton M.T., Donaghy P.J. (1997) *Institutions of Modern Spain. A Political and Economic Guide*. Cambridge (MA): Cambridge University Press.
- O'Donnell G., Schmitter P. (1986) *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The John Hopkins University Press.
- Ortiz Heraz M. (2010) La Transición. *Claves internacionales en la Transición española*. Madrid: Catarata, DL, pp. 13–38.

- Ortiz Heraz M., García O.J.M. (2010) Presentación. *Claves internacionales en la Transición española*. Madrid: Catarata, DL, pp. 7–12.
- Powell C. (2001) *España en democracia*. Madrid: Plaza Jané.
- Powell C. (2010) El papel de Estados Unidos en la transición democrática española. *Claves internacionales en la Transición española*. Madrid: Catarata, DL, pp. 65–98.
- Perez-Díaz V.M. (1993) *The Return of Civil Society. The Emergence of Democratic Spain*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Roach S.C. (2007) A Constitutional Right to Secede? Basque Nationalism and the Spanish State. *International Studies Perspectives*, no 4, pp. 446–460.
- Ross C. (1996) “Nationalism and Party Competition in the Basque Country and Catalonia”. *West European Politics*, no 3, pp. 488–506.
- Trujillo G. (1979) Federalismo y regionalismo en la constitución Española de 1978: El estado “Fede-ro-Regional”. *Federalismo y regionalismo*. Madrid: Centro de Estudios Constitucionales, pp. 15–45.
- Tusell J. (2004^b) La institucionalización del franquismo. *Fascismo y franquismo cara a cara. Una perspectiva histórica*. Madrid: Biblioteca Nueva, pp. 163–170.
- Tusell J. (2004^a) Introducción al franquismo. *Fascismo y franquismo cara a cara. Una perspectiva histórica*. Madrid: Biblioteca Nueva, pp. 25–31.
- Wiarda H.J. (2003) *Development on the Periphery. Democratic Transitions in Southern and Eastern Europe*. Lanham (MD): Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Zaldívar C.A., Castells M. (1992) *España, fin de siglo*. Madrid: Alianza Editorial.